

Поезд замедлял ход... Я стоял у окна в тамбуре и любовался красотами проплывающих мимо деревьев, жадно ловил запах первой свежескошенной травы. Этот запах разнотравья навевал какие-то ностальгические воспоминания о моём детстве...

– Двадцатый километр, – объявили по радио. Поезд остановился, проводница открыла дверь.

– Быстрее, папаша, залезайте, минуту стоим, – поторопила она седого старика.

Вагон был набит битком. Проводница принесла постельное бельё и голосом, не терпящим возражения, прогремела:

– Молодёжь, нижнюю полку уступите деду!

Мальчуган лет двенадцати моментально вскочил и, потянув старика за рукав, сказал:

– Присаживайся, дедушка, а я на верхнюю!

– Не смей! – вдруг откуда-то сверху раздался зычный голос матери. – Это законное место ребёнка! У нас билет! Би-леет!!!

Мальчишка сник и виновато посмотрел на старика. Тот обнял его, повернулся к матери и сказал:

– Хорошего парнишку воспитала! Душевного!

Потом достал из кармана шоколадку и протянул мальчонке со словами:

– Молодец, внучек, береги честь смолоду.

При этих словах я вздрогнул.

Береги честь смолоду... Эти слова были сказаны мне двадцать лет назад одним замечательным человеком.

Я подошёл к старику, взял его нехитрые пожитки и подвёл к своей нижней полке.

– Располагайся, отец, устал, поди.

Поблагодарив меня, он снял плащ. Тысячами солнц заиграли ордена и медали на груди у старика. Встреча с ветераном напомнила о моём детстве и о самом дорогом мне человеке, благодаря которому изменилась вся моя жизнь.

Давно это было... Лет двадцать назад. Жил я тогда у бабушки в деревне. Мать померла, когда мне было лет семь. Отца я никогда не видел. Бабуля была единственным родным человеком. Маленькая, круглолицая, она ходила, смешно переваливаясь с ноги на ногу, приговаривая: «Пирожки стынут, а этого охламона днём с огнём не сыщешь!» Потом, не выдержав, снимала фартук, заворачивала ещё горячие пирожки в белое вафельное полотенце и шла через всю деревню на пустырь, где я с друзьями играл в футбол. Мы налетали как саранча, обжигая губы ароматной клубникой и запивая парным молоком.

– Петровича-то угостите, – говорила бабушка, укоризненно покачивая головой, и присаживалась к сухощавому седому старику.

Петрович был единственным нашим зрителем. Появился он в нашей деревне осенью. Поселился в пустующем домике напротив. Собака и кот – вот и всё его хозяйство.

– Пойду покормлю «живность», – говорила каждое утро бабушка, отправляясь к Петровичу, не забыв при этом прихватить горячих пирожков старику. Он благодарил её, любезно приглашал попить с ним чаю, и они подолгу о чём-то беседовали. Я видел, как бабушка вздыхала, вытирая глаза платком.

Вечером мы лазили к нему в сад, воровали яблоки и персики, а он, выходя на крыльцо, делал вид, что нас не видит, хотя Фёдка, как только замечал его, орал на всю округу:

– Агас, Костяная Нога идёт! – Так между собой мы называли старика. Все знали, что одной ноги у Петровича нет, вместо неё – протез.

Учебный год подходил к концу. Майские праздники вносили какое-то радостное волнение. Сегодня в классе встреча с ветераном – героем Великой Отечественной войны. В белой рубашке с букетом душистой сирени я спешил в школу, боясь опоздать на классный час. Прозвенел звонок. В класс вошла учительница и сказала:

– Ребята, сейчас к нам придёт заслуженный лётчик, генерал-майор Соколов Николай Петрович. Прошу вас вести себя достойно.

И вот в сопровождении директора в класс вошёл ветеран. Я не поверил своим глазам! Петрович? Да это же он, наш сосед! Не может быть!

Вся грудь старика была увешана орденами и медалями. Я не мог оправиться от шока. Петрович – лётчик, да ещё и генерал? Мне стало жарко. Лицо покрылось испариной. Ветеран, поздоровавшись с нами, окинул взглядом класс. Я втянул голову в плечи и затаил дыхание. Фёдка, взглянув на меня как-то растерянно, стал что-то искать под партой.

Рассказ Николая Петровича о его боевом пути в морской истребительной авиации окончательно сразил меня. Оказывается, он прошёл всю войну, освобождая нашу Родину и другие страны от фашистских захватчиков!

– Лётчики-истребители – гордость России! И тот, кто хочет стать лётчиком, должен быть стойким и мужественным, дисциплинированным и организованным, беззаветно любить Родину. Но кем бы вы ни стали, мои юные друзья, берегите честь смолоду так, как мы её берегли, – такими словами Николай Петрович закончил своё выступление.

Фёдка вылез из-под парты и, пригнувшись, шёпотом спросил у меня:

– Честь смолоду беречь, это как?

– Яблоки воровать не надо и обзывать, – скорчив дурацкую мину, прошипел я.

Классный руководитель, поблагодарив ветерана, вдруг посмотрела на нас с Фёдкой и неожиданно сказала:

– Николай Петрович, я хочу прикрепить к вам двух хороших мальчиков. Они будут ухаживать за садом, помогать по дому. Ребята, подойдите сюда. Эти минуты показались мне самыми трудными в жизни. От стыда я готов был провалиться сквозь землю. В этот момент я, кажется, начал понимать, что значит беречь честь смолоду. Но Николай Петрович, видимо, не заметив моего смущения, приветливо улыбнулся нам, пожал руки и пригласил в гости.

Домой я летел как пуля. Все перемешалось во мне: и стыд, и одновременно радость. Я честно рассказал всё бабуле. Она, к моему удивлению, не стала меня ругать, а только сказала:

– Ну, вот и правильно, помогайте ему, никого у него нет. Жена и дети умерли от голода в блокадном Ленинграде, а ногу он потерял при штурме Берлина.

Вечером мы с Фёдкой собрали все сухие ветки в саду, которые сами и поломали, когда воровали яблоки, подмели двор, натаскали в бочку воды.

– Как ты думаешь, Санька, мы честь свою уже поправили? – спросил Фёдка, заглядывая мне в глаза.

– Поправили, Фитиль, поправили, – забыв, что нельзя обзывать, устало проговорил я.

В этот момент на крыльце появился Николай Петрович.

– Спасибо вам, ребята, я сейчас поставлю чай, а вы нарвите персиков, да побольше, чтобы и домой взяли.

Мы пили ароматный чай с бабушкиными пирожками, смотрели альбомы с фотографиями, а Николай Петрович рассказывал нам о своей жизни. На одной из фотографий мы увидели мальчика, играющего в футбол.

– Это внук. Он попал под бомбёжку. Ему было двенадцать лет, – грустно проговорил Николай Петрович. – Когда смотрю на играющих мальчишек, как будто вижу среди них его.

Мы с Федькой переглянулись. Так вот почему он не пропускал ни одной нашей игры...

Зима подкралась незаметно. Бабуля заболела и уже не выходила во двор. Дрова колол Николай Петрович, а потом мы вместе растапливали печь, заваривали чай, как могли, веселили бабушку. Но к весне её не стало.

Я хорошо помню этот день... Суетились и бегали туда-сюда женщины в чёрных платках, мужики тащили столы, во дворе на брёвнах сидела притихшая деревенская ребятня. Вечер опустился незаметно. Все разошлись. Я ушёл в сарай, зарылся с головой в сено. С уходом бабушки мир для меня рухнул...

Вдруг скрипнула дверца, и на пороге сарая с большой бутылкой самогонки появился местный пьяница Гошка.

– Не реви, Санька, надо помянуть Ивановну, вставай!

Он достал гранёный стакан, обтёр его рукавом своей давно не стираной рубахи, налил в него самогонки и трясушимися руками протянул мне.

– Пей до дна, Санька, поминай!

Я отхлебнул глоток мутной жидкости и почувствовал, что теряю сознание.

Голос Николая Петровича привёл меня в чувство.

– Ты зачем мальчика спаиваешь? Ну-ка быстро иди отсюда, и чтобы я тебя рядом с ним никогда не видел!

Он выхватил стакан из рук Гошки и отшвырнул его вглубь сарая. Гошка, ругаясь, на четвереньках выполз во двор. Николай Петрович взял меня на руки и отнёс в дом.

Проснулся я только к обеду. В печке весело потрескивали поленья, а на столе аппетитной горкой были сложены пирожки. Николай Петрович, весь перепачканный мукой, наливал в кружки молоко.

– Пробуй, Санька, для тебя старался. – Он сел рядом со мной и потрепал меня за волосы. И в этот момент мне показалось, что нет на свете никого роднее и ближе этого человека...

Всю неделю приезжали какие-то люди из района, грозились отправить меня в детский дом, на что Николай Петрович говорил им, что никогда не допустит этого и что у него уже почти готовы документы для опеки. Слово своё он сдержал, нас оставили в покое, и началась для меня новая, полная впечатлений и событий жизнь.

Каждое утро мы с Петровичем начинали с зарядки, потом обливались прохладной водой, завтракали, и я бежал в школу. Не за горами экзамены на аттестат зрелости, поступление в лётное училище. Николай Петрович то ли в шутку, то ли всерьёз часто твердил:

– Вот сделаю из тебя настоящего защитника Родины – и умирать не страшно...

Школу я окончил с золотой медалью, поступил в лётное училище, что было большой радостью не только для Николая Петровича, но и для всех наших односельчан.

Пять лет пролетели как один день. И вот я еду к единственному в моей жизни родному человеку. Под равномерный стук колёс проплывают в моей памяти одна за другой картины детства... Следующая остановка моя. Я слезаю с верхней полки и, к моему удивлению, вижу, как мальчик с матерью сидят рядом с ветераном и рассматривают его награды. Встретившись со мной взглядом, мать опустила глаза...

«Слава Богу, – подумал я, – совесть, видно, есть...» – Я обнял ветерана, попрощался с ним, подмигнул мальчонке и пошёл к выходу.

Деревня встретила меня тонким ароматом первых весенних цветов и запахом только что испечённого хлеба. И чем ближе я приближался к дому, тем сильнее стучало моё сердце. Я влетел во двор, не чувствуя под собой ног.

В кресле под яблоней, укрытый шерстяным пледом, сидел Николай Петрович, а чуть поодаль два мальчугана наводили порядок во дворе. Увидев меня, одетого в форму лётчика, они радостно закричали:

– Николай Петрович! Ваш сын-лётчик приехал!

– Да, это мой сынок, – дрожащим голосом произнёс Николай Петрович, – мой мальчик приехал! Я крепко обнял его и почувствовал, как бьются в унисон наши сердца, сердца двух любящих людей...

Последнее время Николай Петрович перестал выходить в сад. Я чувствовал, что силы покидают его. Однажды он позвонил мне и сказал:

– Я рад, что сумел воспитать тебя настоящим человеком. Береги свою честь и помни: на земле много стран, а Родина у тебя одна, люби её и служи ей верою и правдой.

Я взял его руку и почувствовал слабое биение пульса...

С уходом Николая Петровича я как будто осиротел. Дни казались мне похожими один на другой. Я листал альбомы с фотографиями, подолгу рассматривал доставшиеся мне в наследство ордена и медали. Рыжий Федька по старой дружбе часто заходил ко мне, пытаясь скрасить однообразие моего затянувшегося отпуска. Он окончил школу милиции и работал местным участковым. Давно женился и воспитывал сына Ромку шести лет, забавного мальчугана, такого же рыжего, как и он сам.

– Завтра пойдём на парад. День Победы все-таки, – сказал Федька. – Пусть малой посмотрит на ветеранов.

Утро девятого мая выдалось свежим и солнечным. По всей округе стоял необыкновенный запах сирени. Я срезал несколько веточек и отдал их Ромке.

– Поздравить ветеранов, – сказал я и, посмотрев на Федьку, заулыбался. Тот в ответ подмигнул мне, давая понять, что хорошо помнит тот классный час.

Вся площадь была забита людьми. Рядом с трибуной на длинных лавках с красными гвоздиками в руках сидели ветераны.

– В этом году их намного меньше, – сказал Федька и тяжело вздохнул.

– Уходят... И их уход мы не в силах остановить...

Когда зазвучал гимн России, все ветераны, даже те, кто держался за костыли, встали. Я смотрел на них, полных беззаветной любви к Родине, и думал:

– Поистине героическое поколение! Откуда в них эта невероятная сила воли и выдержка? Победили фашизм, подарили нам и нашим детям мирную жизнь, восстановили разрушенную страну. А скольких ребятишек, таких, как мы с Федькой, научили уму-разуму, сделали настоящими людьми. Как же им удавалось всё это? И вдруг понял я до конца смысл слов Николая Петровича:

– Берегите честь смолоду, как мы её берегли...